

М. И. Драгомировъ—генераль-губернаторъ.

(Изъ отрывочныхъ воспоминаній)¹⁾.

Никто не можетъ сказать, чтобы можно было вообще когда-либо видѣть М. И. Драгомирова растерявшимся; находчивость была ему не только свойственна, но составляла его принадлежность, являясь однимъ изъ главныхъ качествъ его при всякихъ обстоятельствахъ и при всевозможныхъ случайностяхъ.

Между тѣмъ, два непріятныхъ случая, вышедшіе у него подрядъ,— сначала съ однимъ министромъ, а потомъ съ другимъ, какъ будто вселила въ него мысль о необходимости разобраться и такъ или иначе опредѣлить свое положеніе. Довольно было того, что, противъ обыкновенія, М. И. къ каждому изъ этихъ эпизодовъ нѣсколько разъ возвращался, толковалъ о нихъ и самымъ тѣмъ обстоятельствомъ, что, наговорившись объ одномъ и о другомъ на разные лады, онъ каждый разъ какъ бы вновь для себя, приходилъ къ тому заключенію, что „дѣло впрочемъ выѣденнаго яйца не стоитъ“,— тѣмъ самымъ выказывался нѣсколько иной съ его стороны взглядъ на это дѣло и иное третированіе имъ всего этого вопроса въ душѣ.

Странность положенія и необычность хода высказывавшихся въ тѣ дни М. И.—мъ мыслей заставила нѣкоторыхъ изъ окружавшихъ его,— всегда внимательныхъ и доброжелательныхъ къ нему людей, призадуматься, хотя бы настолько, чтобы вникнуть и опредѣлить: не таится ли во всей этой исторіи чего-либо дѣйствительно серьезнаго, требующаго какого-либо солиднаго выясненія или по крайней

¹⁾ См. „Русская Старина“, апрѣль 1913 г.

мѣръ воздѣйствія къ успокоенію Мих. Ивановича, который, очевидно, былъ чѣмъ-то взволнованъ и растревоженъ. Было это время наступившихъ въ ходѣ болѣзни его сердечныхъ припадковъ; съ одной стороны они могли исказить всякое получавшееся имъ свѣдѣніе, давать тому свѣдѣнію не то освѣщеніе и примѣшивать какое-либо преувеличеніе, весьма нерѣдко пагубное и для дѣла и для здоровья; необходимостью полного спокойствія обуславливалась крайняя необходимость устраненія изъ дѣла всевозможныхъ шероховатостей и осложненій. Самъ Мих. Ив., меньше чѣмъ кто-либо, могъ въ этомъ отношеніи подумать о себѣ, а тѣмъ болѣе направить что-либо къ предохраненію себя отъ безпокойства, обычно прописываемаго въ такихъ случаяхъ глубокомысленными врачами, берущимися оберегать организмъ человѣка, болѣющаго сердцемъ и страдающаго всегда сложными послѣдствіями разстройства сердечной области вообще.

* * *

Съ большой осторожностью и аккуратностью поставилъ себя Владиміръ Александровичъ Волковъ въ дѣло развѣдки по этому, казавшемуся ему чрезвычайно важнымъ, дѣлу, а чѣмъ больше терпѣнія и осторожности оно требовало, тѣмъ съ большимъ искусствомъ онъ предавался опредѣленію и толкованію всякой мелочи, встрѣчавшейся по пути.

Но вотъ, однажды Мих. Ив., вообще долго ходившій въ толкахъ объ этой исторіи „кругомъ, да около“,—спокойно и опредѣленно разсказалъ, съ какой стороны, собственно говоря, его занимали проступки губернатора, въ поведеніи котораго онъ усмотрѣлъ такъ много предосудительнаго, а главнымъ образомъ страннаго, что не остановился передъ представленіемъ,—если можно выразиться по-военному,—объ отобраніи отъ него губерніи.

Этотъ губернаторъ былъ извѣстенъ Мих. Ив. Драгомирову еще съ тѣхъ поръ, когда, будучи военнымъ, слылъ въ небольшихъ чинахъ за хорошаго, исправнаго строевого офицера; хотя М. И. непосредственнымъ начальникомъ его не состоялъ, но хорошо зналъ тотъ полкъ, въ которомъ онъ началъ службу, а, бывая въ полку, слышался о служебныхъ качествахъ состава офицеровъ вообще и каждаго изъ нихъ въ отдѣльности; урывками, но все же на глазахъ М. Ив. Драгомирова, этотъ офицеръ, со дня своего выпуска изъ пажей, отбылъ свою службу субалтерномъ, желонернымъ офицеромъ, батальоннымъ адъютантомъ, полковымъ квартирмейстеромъ, а затѣмъ ротнымъ и батальоннымъ командиромъ, председателемъ полкового суда и, наконецъ, штабъ-офицеромъ, завѣдывающимъ хозяйственною частью полка.

При этомъ, параллельно съ дававшимися о немъ отзывами по части служебной, отъ моего вниманія, говорилъ Мих. Ив., не ускользали расточавшіяся похвалы нравственнымъ качествамъ этого всегда исправнаго и даже выдѣлявшагося офицера и хорошаго товарища. Помню тотъ моментъ, когда онъ получилъ назначеніе на должность командира полка и вполнѣ понятнымъ мнѣ стало высказанное тогда начальствомъ петербургскаго военнаго округа желаніе оставить его въ предѣлахъ округа. Этимъ, несомнѣнно, до нѣкоторой степени опредѣленно подчеркивалось само собою желаніе впоследствии, имѣя его на виду, удостоить ему возведеніе въ должность командира полка гвардейскаго,—словомъ, я съ удовольствіемъ видѣлъ его тогда на пути штабъ-офицера, выдающагося и къ генеральскому чину подвигавшагося на всѣхъ парахъ.

* * *

Немало удивился я, когда, однажды въ Кіевѣ, сидя дома, получилъ черезъ вѣстового унтера карточку этого самаго, уже почти забытаго мною, штабъ-офицера. Видѣть его давно Мих. Ивановичу не приходилось, приказовъ по гражданской части читать также не доводилось, поэтому онъ нисколько не смутился, прочтя приписку къ имени и отчеству этого браваго штабъ-офицера—„генераль-маіоръ, такой-то губернаторъ“.

Удивило меня лишь то, сказалъ онъ, что такой хорошій для состава арміи матеріалъ призналъ для себя возможнымъ промѣнять чисто-военную строевую службу на гражданскую административную; не вдумываясь въ это долго, я, уже впрочемъ не въ первый разъ, подумалъ, что въ этомъ сказываются результаты неумѣнья со стороны военнаго министерства попридерживать въ арміи настоящихъ, хорошихъ строевыхъ штабъ-офицеровъ и генераловъ, къ частямъ которыхъ слѣдовало бы прочно прикрѣпить, не давая возможности развитія малѣйшаго намека на мысль объ уходѣ изъ строя.

Какъ ни относился вообще М. И. Драгомировъ спокойно къ составу подвѣдомственныхъ ему чиновъ, считая,—справедливо или нѣтъ,—что было бы болото, а черти всегда найдутся въ избыткѣ,—однако, когда въ минуту назначенія своего на постъ генераль-губернатора, онъ отдалъ себѣ мелькомъ отчетъ въ томъ, что тотъ старій, извѣстный ему съ молодыхъ чиновъ, офицеръ, вышедшій въ генералы, находится въ числѣ трехъ губернаторовъ, состоящихъ подъ его прямымъ начальствомъ, онъ какъ будто бы этому самоудовольно улыбнулся.

— Какъ никакъ, все же будто бы лучше, если,—хотя настолько свой, сколько уже давно извѣстный, способный человекъ находится въ числѣ непосредственныхъ помощниковъ, сотрудниковъ и сослуживцевъ,—говорилъ Мих. Ив.

— Но каково было мое удивленіе, добавилъ онъ, когда,—съ первыхъ дней вступленія моего въ должность генераль-губернатора, началъ я получать жалобы на этого моего „сотрудника“ и самыя разнообразныя писанья, имѣвшія характеръ очернявшихъ его доносовъ.

Нисколько не стѣсняясь, М. И. все приходившее къ нему провоздавалъ „по принадлежности“ съ предложеніемъ выяснить и доложить о томъ, что окажется. Когда же доносами стали его забрасывать почти ежедневно, пришлось рѣшиться потребовать личнаго объясненія.

— Странное дѣло, говорилъ М. И., прежде и видѣлъ и зналъ со стороны, а теперь вижу близко, какую массу доносовъ, пасквилей и наговоровъ рассылаютъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ; народъ ли такой, что, по роду своей службы, не можетъ воздержаться отъ ябеды, или самый складъ службы, а въ особенности положеніе начальническихъ должностей таково, что такъ и подмываетъ каждого подъ нихъ подкапываться.

Изъ продолжительныхъ личныхъ переговоровъ съ оговаривавшимся, очернявшимся пространнѣйшей литературой губернаторомъ, М. И. пришелъ къ заключенію, что всѣ чудовищныя обвиненія, вводимыя на начальника губерніи въ доносахъ, представляли собой плодъ измышленій, рождавшихся на почвѣ озлобленія, раздававшагося неисполненіемъ всѣхъ просьбъ, въ фантастичности своей доходившихъ, по большей части, до предѣловъ невозможнаго, а по предосудительности—прямо преступныхъ; не трудно было видѣть, что созданіе жалобъ и оговоровъ исходитъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, отъ израильтянъ, всегда готовыхъ, за простое неудовлетвореніе ихъ низменныхъ вождельнѣй, раскрыть подъ любымъ служащимъ пропасть и въ нее, усиліями кагала, провалить на выборъ кого вздумается.

* * *

— Чего, чего только ни сочиняли на бѣднаго губернатора,—разсказывалъ М. И., —и въ солдаты-то онъ несчастныхъ мѣщанъ и крестьянъ произвольно забиралъ, игнорируя всякое понятіе о законахъ, вѣдающихъ воинскую повинность, и молодыхъ, красивыхъ женщинъ силою забиралъ къ себѣ въ услуженіе, заставляя ихъ жертвовать собою на вѣчно устраиваемыхъ имъ ночныхъ кутежныхъ оргіяхъ; фантазіи не было предѣловъ; все какъ бы сводилось къ подбору злоупотребленій, по характеру своему, представляющихся возможными развѣ лѣтъ за сто до нашихъ временъ... И все это нахально выдумывалось, нагло лгалось на человѣка служилаго.

Миновавъ всѣ козни еврейскаго, кагально вздорнаго, шутов-

ского изобрѣтенія, и отбросивъ „доносы“, М. И. вынужденъ былъ остановиться на имѣвшихъ подобіе правдивости „жалобахъ“, поданныхъ служащими на учинявшіяся по отношенію къ нимъ различныя несправедливости.—Тутъ въ свою очередь было много чудовищнаго.—Я не хочу въ это и входить,—сказалъ онъ губернатору,—но въ нѣкоторыхъ изъ этого рода писаній видно много вопіющаго; тутъ что-нибудь одно: или, незамѣтно для васъ самихъ, вкралось,—быть можетъ невольно, много требующаго исправленія для восстановленія справедливости—тогда займитесь этимъ; или же искусствомъ проходимцевъ вложена въ дѣло масса лжи, отъ которой надо отвадить людей, пытающихся ее плодить; нельзя въ этомъ допускать безнаказанности.—Разверните, посмотрите внимательно и вы увидите: бывшій офицеръ, перешедшій на гражданскую службу, солидно, спокойно пишетъ противъ власти;—или она промахнулась, тогда не поздно еще вернуть все ею сдѣланное, или же тотъ самый офицеръ искусился въ дѣлахъ оклеветанія и тогда, конечно, онъ не долженъ быть терпимъ на занимаемой имъ гражданской должности, какъ бы мала она ни была.

И пораженъ же былъ М. И., когда въ большей части этихъ случаевъ оказалось, что жалобщики не лгали, несправедливость, показавшаяся генералу Драгомирову съ перваго взгляда вопіющею, дѣйствительно была властью губернатора надъ тѣми потерпѣвшими учинена, но губернаторъ въ своихъ дѣйствіяхъ не находилъ никакой неправильности. И это въ цѣломъ рядѣ случаевъ, и противъ самой ясной очевидности.—Въ простомъ разговорѣ съ губернаторомъ М. И. выводилъ прямое заключеніе изъ его же словъ, но сатрапъ какъ бы отказывался понимать суть, которая прямо показывала, что взысканія на подчиненныхъ налагались не за служебныя проступки и провинности, а за стороннее, только изъ-за желанія прибѣгнуть къ личной мести.

— Начальникъ, облеченный большою властью, налагаетъ на подчиненныхъ крупныя взысканія за мелочи, отражавшія его личныя съ тѣми подчиненными столкновенія, и нѣтъ силъ доказать ему это, нельзя убѣдительно раскрыть ему глаза на это.—Ничего подобнаго нельзя было себѣ представить; куда дѣвался умъ того неглупаго, здраваго офицера, который съ молодыхъ чиновъ, съ первыхъ шаговъ своей военной службы, обращалъ на себя особое вниманіе; и вдругъ теперь свихнулся такъ односторонне, что сдѣлался чуть ли не общимъ посмѣшищемъ и, во всякомъ случаѣ, „притчею во языцехъ“.

Самая простая справедливость требовала удаленія подобнаго начальника отъ должности; вотъ почему М. И. приложилъ къ этому

свое стараніе, при чемъ рѣшился взять на себя лишь настаиваніе на переводѣ его изъ края съ подробнѣйшимъ при этомъ разъясненіемъ ему необходимости въ другихъ краяхъ или на посту въ другой губерніи отстать отъ такихъ дѣйствій, похожихъ на униженіе себя и выказывающихъ непониманіе своего долга, а во всякомъ случаѣ крайне пагубныхъ въ отношеніи своей чести.

* * *

Долго и много М. И. вспоминалъ объ этомъ эпизодѣ;—вѣдь вотъ какъ-будто и мелочь, а поди-ка,—продѣлывалъ ее не какой-нибудь становой, большой власти не имѣвшій, онъ большого вреда при этомъ принести не могъ бы, а изволь-ка считайся, спроси все это съ такой власти, какова губернаторская, и не оберешься, сколько зла другимъ можетъ учинить несправедливый человѣкъ, если вздумаетъ шутить съ такимъ огнемъ, какъ данная ему огромная, почти неограниченная власть;—а услѣдить за этимъ развѣ придетъ въ голову.—„Какъ пользуется неограниченною властью ограниченный человѣкъ“;—гдѣ, кто и когда входитъ въ разсмотрѣніе этого, обсуждаетъ что-либо подобное, могущее иногда выйти крайне поучительнымъ?—Выслушивая въ послѣдствіи массу анекдотическихъ разсказовъ объ этомъ своеобразномъ начальникѣ края, генераль Драгомировъ приходилъ къ прямому выводу относительно ненормальности умственныхъ способностей этого его стараго знакомаго за тотъ періодъ времени и не разъ задавался предположеніемъ, что эта бѣда и вытолкала хорошаго строевого офицера въ сторону; въ строю быть можетъ все обошлось бы благополучно, а тутъ явилось широкое поле развитія старинной болѣзни, именуемой маніей величія и разбавленной частнымъ добавленіемъ страданій на почвѣ неудержимаго влеченія къ проявленію безшабашнаго произвола.

Мих. Ив. всесторонне пожалѣлъ своего прямого подчиненнаго, сослуживца и сотрудника.

Присматриваясь близко къ Михаилу Ивановичу за этотъ періодъ его жизни, В. А. Войновъ, а съ нимъ, или за нимъ, и нѣкоторые другіе почитатели „командующаго“ пришли къ такому заключенію, что онъ внезапно проявилъ массу такой сердечности, какой ни раньше, а можетъ быть и ни позже никому не доводилось въ немъ замѣчать, такъ какъ, вообще, склонности къ ней въ немъ было очень мало.

* * *

Такъ эта исторія съ большой тяготой распустилась въ душѣ Михаила Ивановича; онъ многое въ ней пережилъ и переживалъ, не отдавая себѣ хорошо отчета въ томъ,—почему, именно эта исторія такъ задѣла его за живое и почему тысячи

другихъ эпизодовъ, съ виду болѣе значительныхъ, проходили для него совершенно незамѣченными и слѣда въ немъ не оставляли; самъ Мих. Ив. обратилъ большое вниманіе на этотъ небывалый въ немъ приливъ чувствъ, приписывалъ его такому нервному разстройству, какого прежде никогда въ себѣ не замѣчалъ. Что это, я точно бабиться сталъ, — причудилось ему одинъ разъ, когда онъ вообразилъ, что черезъ-чуръ жалѣеть губернатора, во всякомъ случаѣ съ нравственной стороны провинившаго далеко не въ малой степени.

* * *

Докторъ, слѣдившій за состояніемъ его здоровья въ ту пору, предвидѣлъ скорое повтореніе такого же приступа, который онъ называлъ припадкомъ, и находилъ нужнымъ настоятельно предложить слѣдить за соблюденіемъ особой осторожности въ отношеніи приливовъ крови къ области сердца. Не былъ этотъ почтенный, понынѣ здравствующій, докторъ глубоко ученый, но онъ опредѣлилъ совершенно вѣрно, какъ бы въ указаніе специалистамъ, что въ организмѣ Мих. Ив. именно въ это время произошло нѣчто, измѣнившее ему и отнявшее ту прочность его здоровья, которая до тѣхъ поръ неизмѣнно ставила и держала его силы внѣ обычныхъ условій.—Словомъ, незамѣтно съ этихъ моментовъ громадна, богатырскія силы М. И. Драгомирова пошли на убыль; затѣмъ, сталъ онъ себя оберегать, благодаря неустаннымъ совѣтамъ того же доктора и веденію болѣе разумнаго образа жизни сохранилъ свои дни на болѣе долгій срокъ, чѣмъ можно было ожидать по предсказаніямъ, создавшимся во дни рокового упадка силъ.—Второй припадокъ, о которомъ рѣчь впереди, выразился, въ общемъ, менѣе ясно, но онъ обнаружилъ болѣе рѣзкія, болѣе чувствительныя для самого Мих. Ивановича послѣдствія.

Не исторія, приключившаяся съ губернаторомъ, размягчила командующаго,—говорилъ тотъ же докторъ, и за нимъ это повторяли другіе, а переворотъ, случившійся въ организмѣ, какъ будто бы привелъ его къ болѣе мягкимъ взглядамъ на криминальную сторону губернаторской эпопеи.

Съ тѣхъ поръ, а въ особенности со второго припадка Мих. Ив. сталъ ясно замѣчать въ себѣ, какъ онъ самъ позволялъ себѣ до послѣднихъ дней шутить,—связь между нѣкоторымъ приливомъ непривычной мягкости характера и началомъ конца...

Полную неустанность продолжалъ онъ проявлять лишь въ письменныхъ занятіяхъ; при этомъ говорилъ: перомъ грѣшу по-прежнему.

А. Е. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

